

В зеркале заднего вида простиралась пустыня Юты, безмолвное свидетельство того испытания, которое они только что оставили позади. Лукас, сжимая в руках сценарий, ерзал в салоне фургона Fox Searchlight. Наконец, он перевел дыхание. "Дэнни, - неуверенно начал он, - насчет идеи для песни..."

Взгляд Дэнни, устремленный на исчезающий пейзаж, метнулся к нему. В уголках его глаз заиграло удивление с оттенком веселья, он уклончиво хмыкнул. "Да, мы уже выбрали песню."

Пальцы Лукаса сжались вокруг сценария. "Но это не просто песня, - настаивал он. "Она пришла ко мне во время съемок, во время сцены галлюцинаций с Ароном. Воспоминания, тоска... все это просто нахлынуло. Эта песня может стать чем-то особенным".

Дэнни фыркнул. "Особенный, да? Ты актер, Лукас, а не музыкант. Пение в караоке не считается". Слова неприятно жалили, в них ясно чувствовалось пренебрежение. Лукас почувствовал, что его щеки покраснелись, в нем поднялась смесь гнева и неповиновения.

"Это больше, чем караоке", - возразил он дрожащим от едва сдерживаемых эмоций голосом. "Эта песня передает эмоции Арона, его отчаяние. Это могло бы стать эмоциональным стержнем фильма."

Дэнни вздохнул с ноткой раздражения в голосе. "Послушай, Лукас, я ценю твой энтузиазм, но это профессиональная постановка. У нас есть план, бюджет. Добавление какой-то случайной песни, которую ты сочинил на съемочной площадке, не совсем ... Он сделал паузу, подыскивая правильные слова: "стратегически обоснованно".

"Пожалуйста, Дэнни", - умолял Лукас, его голос звучал убежденно. "Эта песня... так я отпускаю Арона. Это последняя частичка его души, которую мне нужно отпустить".

Дэнни, собиравшийся отмахнуться от идеи пренебрежительным взмахом руки, сделал паузу. Он посмотрел на Лукаса, ища взглядом правду в глазах актера. "Правда?" спросил он низким и серьезным голосом.

Лукас встретил его взгляд, его собственная решимость была непоколебима. - Да, - сказал он, и в каждом слове сквозило тихое отчаяние.

Сердце Дэнни дрогнуло. Он не был слеп к трансформации, которую претерпел Лукас. Пустыня оставила свой след на молодом человеке, не только на его коже, но и в его душе. Слухи об актерах, поглощенных своими ролями, об их затуманивающихся мыслях из-за персонажей, которых они воплощали, были не просто слухами. Он увидел это в затравленных глазах Лукаса, в грубой уязвимости, которая прилипла к нему, как пыль пустыни.

С губ Дэнни сорвался противоречивый вздох. Ему было жаль молодого актера, его душу отягощали отголоски персонажа, ставшего для него чем-то большим, чем просто строчки в сценарии. Отказывать ему в этой разрядке, в этом последнем акте катарсиса, было... неправильно. Это была не просто песня, это был мост между отчаянием Арона и свободой Лукаса.

Пока Дэнни слушал Лукаса, на него снизошло странное понимание. Лукас не просто выступал за песню; он добивался освобождения. Совместное использование этой оригинальной композиции, казалось, стало последним катарсисом, в котором он нуждался, чтобы избавиться от Арона, который цеплялся за него с удивительным упорством.

Действительно ли Лукаса преследовал Арон или им просто двигала художественная страсть,

Дэнни сказать не мог. Но искренняя убежденность в глазах молодого актера что-то всколыхнула в нем. Он не стал бы отмахиваться от этого как от простой прихоти. Эта песня, какой бы ни была ее форма или назначение, заслуживала шанса.

Помимо интригующей перспективы воплести историю Арона в партитуру фильма, Дэнни искренне восхищался талантом Лукаса.

Его игра в "127 часах" была исключительной и оставила неоспоримый след. Он был бы не прочь заполучить Лукаса в свои ряды - надежное имя, которое стоит рассмотреть для будущих проектов.

Конечно, в этой переменчивой индустрии постоянство было ключевым фактором. Сможет ли Лукас продолжать работать? Только время покажет. Пока же для него первоочередной задачей было помочь Лукасу выпустить эту песню, последнюю частичку души Арона.

Лукас, с плеч которого спало напряжение, облегченно вздохнул. Готовность Дэнни слушать, участвовать в разговоре принесла ему облегчение.

Фургон компании Fox Searchlight с грохотом неся к близлежащему городку в штате Юта - временному пристанищу перед вылетом съемочной группы обратно в яркие огни Лос-Анджелеса. Лукас, еще не отошедший от необузданной энергии пустыни, знал, что путешествие еще не закончено.

В Лос-Анджелесе его ждала не только заслуженная зарплата за изнурительную работу, но и шанс отстоять свою оригинальную песню в "127 часов". Они с Дэнни, режиссером, установили связь в "горниле каньона", и Лукас доверял Дэнни как своему голосу в стерильных залах студии. Он знал, что путь к лицензированию не будет гладким, но с весом Дэнни за плечами мелодия в его сердце может просто найти выход на киноэкран.

Рев двигателей самолета стих, сменившись знакомым гулом Лос-Анджелеса. Войдя в штаб-квартиру Fox Searchlight, Лукас почувствовал нервный трепет под ребрами

.

Дни превратились в вихрь студийных сессий.

"Хорошо", - наконец уступил Дэнни с ноткой усталости в голосе. "Давай послушаем. Сыграй мне свою песню, Лукас. Покажи мне, что Арон оставил после себя".

Лукас кивнул и исполнил песню для режиссера, и по мере того, как Дэнни продолжал слушать, его глаза сияли от волнения.

Когда Лукас вкладывал душу в запись, необузданные эмоции вибрировали в комнате. Когда Дэнни наконец услышал готовый трек, ошеломленная тишина окутала студию.

Затем раздались негромкие аплодисменты, перемежаемые приглушенным шепотом о "волшебстве" и "великолепии".

Грудь Лукаса наполнилась смесью облегчения и гордости. Он направил отчаяние Арона, одиночество каньона в нужное русло и вплет это в гобелен мелодии, которая нашла отклик глубоко внутри.

Переговоры со студией не обошлись без колкостей. Лукас, обеспеченный авторскими правами, держал в руках бразды правления песней - рискованная игра власти для восходящей звезды. Он предложил, казалось бы, великодушный жест: песню без роялти в обмен на всю будущую прибыль. Руководители, скептически относившиеся к ее коммерческой привлекательности, с готовностью согласились. Они и не подозревали, что только что отказались от потенциальной золотой жилы.

Они и не подозревали, что будоражащая душу сила песни вот-вот перепишет историю. Шепотки о номинациях на премию, шепотки о престижном "Золотом глобусе" в будущем, закружились на месте судьбы. В контракте Лукаса дремал пункт, обещание, ожидающее своего воплощения: солидный бонус за каждую номинацию. Пока руководители студии, не обращая внимания на бурю, назревающую у них под ногами, обсуждали окончательную форму фильма, в глазах Лукаса мелькнула спокойная уверенность. Эхо пустыни, возможно, и затихло, но песня, которую они породили, только начала звучать.

<http://tl.rulate.ru/book/107171/3920369>